

«Детское чтение для сердца и разума»

Н. М. Карамзин

РОМАН-ГАЗЕТА

5

детской

■ 2015 (191)

6+

Сергей Алексеев

СТАЛИНГРАД

ISSN 1684-0895

9 771684 089001 >

Художник А. Лактионов
«Письмо с фронта»

Эдуард Асадов

ПИСЬМО С ФРОНТА

Сейчас передышка. Сойдясь у опушки,
Застыли орудья, как стадо слонов,
И где-то по-мирному в гуще лесов,
Как в детстве, мне слышится голос кукушки...

За жизнь, за тебя, за родные края
Иду я навстречу свинцовому ветру.
И пусть между нами сейчас километры —
Ты здесь, ты со мною, родная моя!

В холодной ночи, под неласковым небом,
Склонившись, мне тихую песню поёшь
И вместе со мною к далёким победам
Солдатской дорогой незримо идёшь.

И чем бы в пути мне война ни грозила,
Ты знай, я не сдамся, покуда дышу!
Я знаю, что ты меня благословила,
И утром, не дрогнув, я в бой ухожу!

Т. Маврина
Маки
1962 г.

В номере:

- 3 *Сергей Алексеев*
Сталинград
- 15 **Великий день**
Обращение к народу 9 мая 1945 года
- 16 **ЧЕСТЬ ИМЕЮ!**
Владимир Волков
«Малютка»
Единственный в мире памятник
- 17 **РУССКИЙ МУЗЕУМ**
Даниил Санкин
Воин, выдающийся иллюстратор: Пётр Пинкисевич
- 21 **ЖИВОЙ УГОЛОК**
Михаил Пришвин
Весенние миниатюры
- 24 **УГОЛОК РОССИИ**
Сергей Иванов
Ораниенбаум
- 27 **РАССКАЗЫ**
Константин Паустовский
Похождения жука-носорога
- 30 **СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК, СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК**
Александр Силаев
Три коробочки
- 32 **ИМЕНА**
Сергей Куличкин
Подвиг юных
- 36 **СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА**

Главный редактор
Юрий Козлов

Зам. главного редактора
Екатерина Рощина

Художественное
редактирование
Татьяна Погудина

Зав. производством
Елена Шевцова

Компьютерная вёрстка
и цветоделение
Александр Муравенко

Главный бухгалтер
Людмила Дьячкова

Зав. распространением
Ирина Бродянская

Юрисконсульт
Виктор Кудинов

Журнал для детей среднего
школьного возраста

Выходит один раз в месяц

С 1996 года рекомендован
Министерством общего
и профессионального
образования РФ
для внеклассного чтения

Подписные индексы в каталоге
агентства «Роспечать»:

72766 — на полгода

71899 — на год

Учредитель: ЗАО «Роман-газета»

Адрес редакции: 107078, Москва,
ул. Новая Басманная, 19.

Тел.: 8 (499) 261-84-61

Факс: 8 (499) 261-49-29

E-mail: roman-gazeta-1927@yandex.ru

Основан в 1995 г.

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской
Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации
№ 01384 от 27 июня 1995 г.

Отпечатано

в ОАО «Первая Образцовая
типография»

Филиал «Чеховский

Печатный Двор»

(142300, Московская обл., г. Чехов,

ул. Полиграфистов, д. 1)

Факс: 8 (496) 726-54-10,

Тел. 8 (495) 988-63-87

Многоканальный телефон отдела

продаж услуг: 8 (499) 270-73-59

Сайт: www.chpk.ru

e-mail: marketing@chpk.ru

Тираж 3000 экз.

В розницу цена свободная

Заказ № 1711

© «Роман-газета», 2015 г.

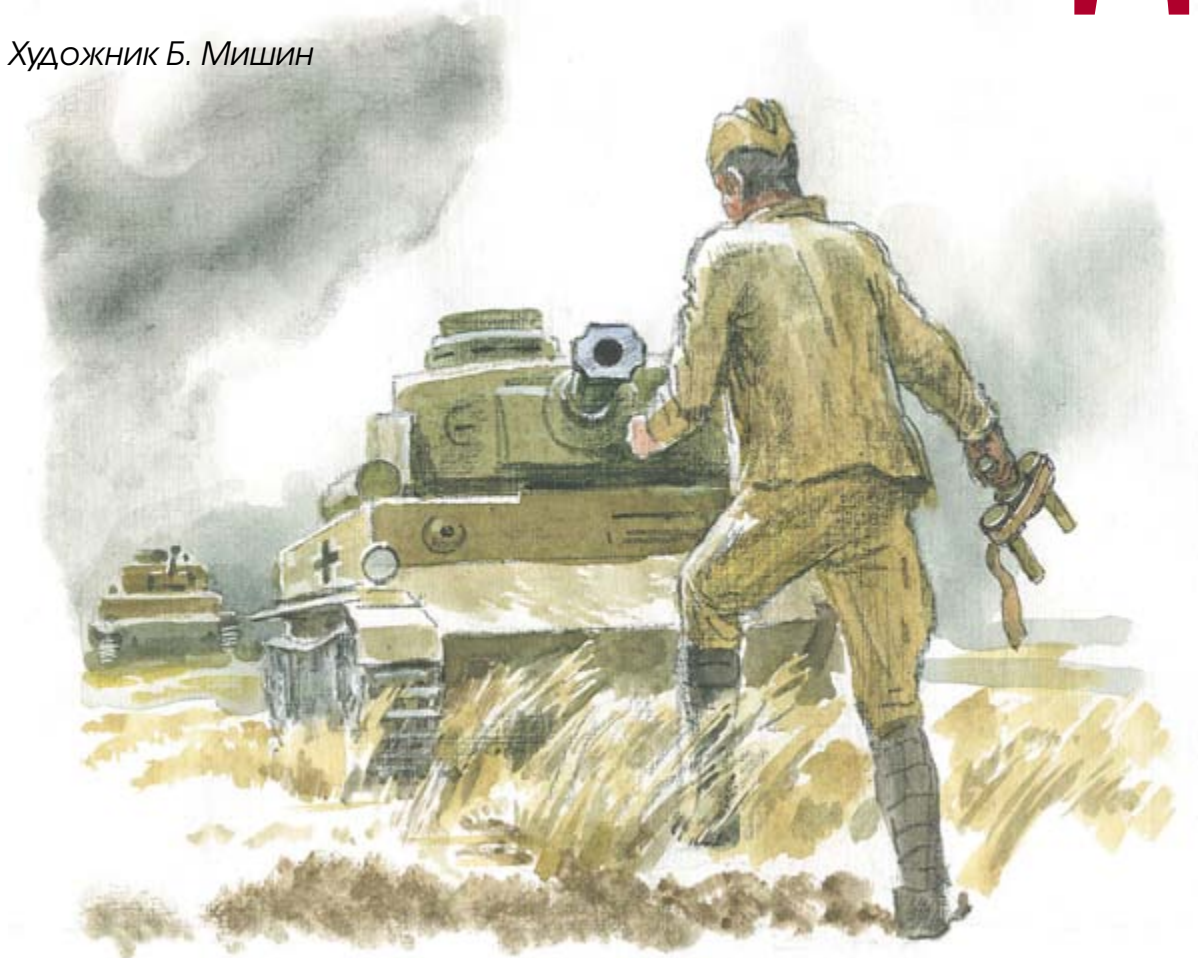
Выпуск издания осуществлён
при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям

Авторов материалов,
использованных в этом номере,
просим обращаться в редакцию

Сергей Алексеев

СТАЛИНГРАД

Художник Б. Мишин

«НИ ШАГУ НАЗАД!»

Третий месяц идут упорные, кровопролитные бои на юге. Горит степь. Сквозь огонь и дым фашисты рвутся к Сталинграду, к Волге.

Шло сражение на подступах к Сталинграду. 16 солдат-гвардейцев вступили в неравный бой.

— Ни шагу назад! — поклялись герои.

Бросились фашисты в атаку. Удержали рубеж гвардейцы. Перевязали друг другу раны, снова готовы к бою.

Второй раз в атаку идут фашисты. Их больше теперь, и огонь сильнее. Стойко стоят гвардейцы. Удержали опять рубеж. Перевязали друг другу раны. Снова готовы к бою.

Четыре атаки отбили солдаты.

Не взяла смельчаков пехота, поползли на героев фашистские танки.

С танками бой — жесточайший бой.

Вот из шестнадцати двенадцать бойцов осталось.

— Ни шагу назад!

Вот десять, вот девять.

— Ни шагу назад!
Вот восемь, вот семь.
Запомните их фамилии — Кочетков, Докучаев, Гуцин, Бурдов, Степаненко, Чирков, Шуктомов.
А танки ползут и ползут. Нет у солдат ни пушек, ни противотанковых ружей, ни минометов. Кончились даже патроны.
Бьются солдаты. Ни шагу назад! А танки всё ближе и ближе.
Остались у героев одни гранаты. По три на солдата.
Посмотрел Докучаев на танки, на боевых друзей, на свои три гранаты. Посмотрел. Снял с гимнастёрки ремень. Ремнём затянул гранаты. На руке почему-то взвесил. Посмотрел ещё раз на Гущина, Бурдова — на соседей своих по окопу. Улыбнулся друзьям Докучаев. И вдруг поднялся солдат из окопа.
— За Родину! — крикнул герой. Бросился вперёд навстречу врагу. Прижал крепче к груди гранаты. Рванулся под первый танк.
Вздрогнула степь от взрыва. Качнулись опалённые боем травы. Замер, вспыхнул фашистский танк.
Переглянулись Гуцин и Бурдов. Храбрость рождает храбрость. Подвиг рождает подвиг. Поднялся Гуцин. Поднялся Бурдов. Связки гранат в руках.
— Нас не возьмёшь! — прокричали солдаты.
Рванулись вперёд герои. Два взрыва качнули землю. А танки идут и идут. Поднялись тогда Кочетков, Степаненко, Чирков, Шуктомов:
— Свобода дороже жизни!
Вот они четверо — на огненном рубеже. Навстречу фашистским танкам идут герои.
— Смерть фашистам! Захватчикам смерть!
Смотрят фашисты. Люди идут под танки. Взрыв. Ещё взрыв. Снова и снова взрыв. Страх охватил фашистов. Попятились танки, развернулись, поспешно ушли отсюда.
Отгремели бои пожаром. Время бежит как ветер. Годы текут как реки. Но память хранит былое. Посмотрите туда, на поле. Как утесы, как скалы стоят герои. Бессмертен их славный подвиг. Запомните их фамилии — Кочетков, Докучаев, Гуцин, Бурдов, Степаненко, Чирков, Шуктомов.

ТРИДЦАТЬ ТРИ БОГАТЫРЯ

Их было 33. Как в сказке. 33 богатыря. 33 отважных советских солдата. Западнее Сталинграда защищали бойцы важную высоту. Не смогли здесь фашисты вперёд прорваться. Обошли высоту фашисты. Попали бойцы в окружение. Не дрогнули смельчаки, 27 танков подбили в бою герои. Уничтожили 150 фашистов.

Кончились боеприпасы. Прорвались солдаты сквозь окружение. Вернулись к своим войскам. Все оказались целы, все невредимы. Лишь один рядовой Жезлов неопасно осколком ранен.

Обступили солдаты героев. Интересно узнать подробности. Вот стоит Семён Калита. Отличился в бою Калита. Первым уничтожил фашистский танк.

— А ну, расскажи, расскажи про геройство, — просят его солдаты.

Засмутился Семён Калита:

— Да я... Да что я... Вот Иван Тимофеев. Вот это да. Вот это герой.

И это верно — рядовой Иван Тимофеев уничтожил два неприятельских танка.

Повернулись солдаты к Ивану Тимофееву:

— А ну, расскажи, расскажи про геройство.

Засмутился Иван Тимофеев:

— Да я... Да что я... Вот Владимир Пасхальный — вот кто герой. Вот кто лучше других сражался.

И верно. Младший сержант Владимир Пасхальный три фашистских танка вывел из строя. Вот кто герой, конечно.

Засмутился Владимир Пасхальный:

— Да я... Да что я... Вот товарищ младший политрук Евтифеев — вот кто из героев герой настоящий.

И верно. Младший политрук Евтифеев подбил четыре фашистских танка. Восхищаются солдаты:

— Вот так стрелок!

— Провёл, выходит, среди фашистов политбеседу!

Окружили солдаты политрука:

— Товарищ Евтифеев, расскажи, как было.

Усмехнулся Евтифеев, рассказывать начал.

Рассказал о героях: о младшем сержанте Михаиле Мингалеве, о солдате Николае Власкине, о старшине Дмитрие Пуказове и о других бойцах. Только солдатам всё мало:

— А что ж про себя ни слова?

Засмутился Евтифеев.

— Да я... — глянул вокруг, увидел Семёна Калиту, того, кто первым подбил неприятельский танк: — Вот пусть вам Семён Калита про себя расскажет. Он всему положил начало...

Сталинград. Штаб Сталинградского фронта. Командующий фронтом генерал-полковник Андрей Иванович Ерёменко.

Доложили о подвиге 33 отважных генералу Ерёменко:

— Товарищ командующий, подбили двадцать семь танков. Живыми назад вернулись.

— Двадцать семь?

— Так точно, двадцать семь.

— Герои, — сказал Ерёменко, — герои. —

Помолчал, добавил: — А то, что смерть победили, что жизнь сберегли, — дважды они герои. Богатыри!

33 советских богатыря — так и окрестили солдаты героев прославленной высоты. А вскоре и награды пришли к героям. Ордена и медали засверкали у них на груди.

РАНЕН В БОЮ СОЛДАТ

Лежал он без стога, без крика, без плача. Ранен в бою солдат. Кровь сквозь рубаху на пол сочится.

Окраина Сталинграда. Полуразрушенный дом. Третий этаж. Лежит на полу солдат.

Сражался солдат в составе родного стрелкового взвода. Обороняли вот этот дом. Вдруг прибыл приказ занять бойцам по соседству другие позиции. Двинулись воины к новому месту. Солдат прикрывал переход. Покинули дом боевые друзья. Сделал солдат ещё один выстрел. Хотел устремиться за всеми следом. В эту минуту его и ранило. Вскрикнул. Согнулся. Упал солдат.

Лежит на полу солдат. Из раны на пол кровь сочится.
Не утихает за окнами бой. Сражаются там боевые товарищи.
Лежит на полу солдат, друзей боевых вспоминает.

Вот Вася Сидоркин. Родом они из одного заводского посёлка. Вместе на фронте с первого дня войны. Отходили по огненным дорогам тогда солдаты. В бою под Минском был ранен. Вынес с поля боя его, унёс от смерти тогда Сидоркин.

Вот ефрейтор Семён Капусто. Под Вязьмой вместе они сражались. Попали бойцы в окружение. Неделю снегами брели по ночам к своим. Одним на двоих сухарём питались.

Вот Такен Токобаев. Это с Такеном они вдвоём привели «языка» под Можайском. Породнила судьба солдат. Вместе вручили героям тогда медали.

Вот Самойлов, Ильин, Головин. Вместе громили фашистов они под Москвой. Испытали радость победы вместе.

Лежит на полу солдат, друзей боевых вспоминает. До слёз обидно лежать солдату. В смертной схватке с врагами сошлись товарищи. Как же помочь друзьям?

Приподнялся солдат. Но тут же от боли вскрикнул. Опять опустился на пол. Прошла минута. Вновь приподнялся. Боль пересилил. Встал. Сделал шаг, сделал два к окну. Взял винтовку. Высунул дуло в проём окна. Выбрал цель. Нажал на курок. Щёлкнул курок, и только. Прикрывая своих, растратил воин патроны.

Опустился боец на пол. Покидают солдата силы.

Лежит на полу солдат, друзей боевых вспоминает. Всё громче и громче слышна стрельба. Нелегко там сейчас товарищам. Чем же отвлечь фашистов?

Глянул боец на раны. На рубаху. И вдруг его мысль осенила. Собрал он последние силы. Оторвал от рубахи край. Провёл им по ранам. Цветёт кумачом полотнище. Покрылось солдатской кровью.

Подобрался солдат к винтовке. К штыку, прикрепил материю. Высунул штык в окно. Рубином зажглось полотнище. Затрепетало оно по ветру. Заиграло, забилося в небе.

Не ошибся солдат. Увидев Красное знамя, вновь повернули сюда фашисты. Забили опять снаряды. Зацокали снова пули.

Не утих, продолжается бой у дома. Развивается красное знамя. Рубином фашистов бьёт. Где-то за домом гремит «ура!». Это в атаку идут товарищи. Но не видел, не слышал того солдат. Закончил свой путь боевой. До конца исполнил свой долг солдатский.

БУЛЬ-БУЛЬ

Не стихают бои в Сталинграде. Рвутся фашисты к Волге. Траншеи наши и гитлеровцев тут проходили рядом.

Сидит фашист в своём укрытии, выкрикивает:

— Рус, завтра буль-буль!

То есть хочет сказать, что завтра прорвутся фашисты к Волге, сбросят в Волгу защитников Сталинграда.

Сидит фашист, не высовывается. Лишь голос из окопа доносится:

— Рус, завтра буль-буль. — И уточняет: — Буль-буль у Вольга.

Обозлил сержанта Носкова этот фашист.

Другие спокойны. Кое-кто из солдат даже посмеивается. А Носков:

— Эка ж, проклятый фриц! Да покажись ты. Дай хоть взглянуть на тебя.

Гитлеровец как раз и высунулся. Рыжеват. Осповат. Уши торчком. Пилотка на темени чудом держится.

Высунулся фашист и снова:

— Буль-буль!

Один из наших солдат схватил винтовку. Вскинул, прицелился.

— Не трожь! — строго сказал Носков.

Посмотрел на Носкова солдат удивлённо. Пожал плечами. Отвёл винтовку.

Целый день не унимался ушастый немец: «Рус, завтра буль-буль. Завтра у Вольга». К вечеру наконец умолк.

«Заснул», — поняли в наших окопах. Стали и наши солдаты дремать. Вдруг видят, вылезает сержант Носков из окопа. А следом за ним лучший его дру-

жок рядовой Турянчик. Выбрались приятели, прижались к земле, поползли к немецкой траншее.

Недоумевают солдаты. С чего это вдруг Носков и Турянчик к фашистам отправились в гости? Смотрят в сторону гитлеровских окопов, глаза в темноте ломают. Беспокоиться стали солдаты.

Но вот кто-то сказал:

— Братцы, ползут назад.

Второй подтвердил:

— Так и есть, возвращаются.

Всмотрелись солдаты — верно. Ползут, прижавшись к земле, друзья. Только не двое их. Трое. Присмотрелись бойцы: третий солдат фашистский, тот самый — «буль-буль». Только не ползёт он. Волокут его Носков и Турянчик. Кляп во рту у фашиста.

Притащили друзья крикуна в окоп. Передохнули и дальше с ним в штаб.

Однако дорогой спустились к Волге. Схватили фашиста за руки, за шею, в Волгу его макнули.

— Буль-буль, буль-буль! — кричит озорно Турянчик.

— Буль-буль, — пускает фашист пузыри. Трясётся как лист осиновый.

— Не бойся, не бойся, — сказал Носков. — Русский не бьёт лежачего.

Сдали солдаты пленного в штаб.

Махнул на прощанье фашисту Носков рукой.

— Буль-буль, — прощаясь, сказал Турянчик.

ЗЛАЯ ФАМИЛИЯ

Стеснялся солдат своей фамилии. Не повезло ему при рождении. Трусов его фамилия.

Время военное. Фамилия броская.

Уже в военкомате, когда призывали солдата в армию, — первый вопрос:

— Фамилия?

— Трусов.

— Как-как?

— Трусов.

— Д-да... — протянули работники военкомата.

Попал боец в роту.

— Как фамилия?

— Рядовой Трусов.

— Как-как?

— Рядовой Трусов.

— Д-да... — протянул командир.

Много бед от фамилии принял солдат. Кругом шутки да прибаутки:

— Видать, твой предок в героях не был.

— В обоз при такой фамилии?

Привезут полевую почту. Соберутся солдаты в круг. Идёт раздача прибывших писем. Называют фамилии:

— Козлов! Сизов! Смирнов!

Всё нормально. Подходят солдаты, берут свои письма.

Выкрикнут:

— Трусов!

Смеются кругом солдаты.

Не вяжется с военным временем как-то фамилия. Горе солдату с этой фамилией.

В составе своей 149-й отдельной стрелковой бригады рядовой Трусов прибыл под Сталинград. Переправили бойцов через Волгу на правый берег. Вступила бригада в бой.

— Ну, Трусов, посмотрим, какой из тебя солдат, — сказал командир отделения.

Не хочется Трусову быть хуже других. Старается. Идут солдаты в атаку. Вдруг слева застрочил вражеский пулемёт. Развернулся Трусов. Из автомата дал очередь. Замолчал неприятельский пулемёт.

— Молодец! — похвалил бойца командир отделения.

Пробежали солдаты ещё несколько шагов. Снова бьёт пулемёт. Теперь уже справа. Повернулся Трусов. Подобрался к пулемётчику. Бросил гранату. И этот фашист утих.

— Герой! — сказал командир отделения.

Залегли солдаты. Ведут перестрелку с фашистами. Кончился бой. Подсчитали солдаты убитых врагов. Двадцать человек оказалось у того места, откуда вёл огонь рядовой Трусов.

— О-о! — вырвалось у командира отделения. — Ну, брат, злая твоя фамилия. Злая!

Улыбнулся Трусов.

За смелость и решительность в бою рядовой Трусов был награждён медалью.

Висит на груди у героя медаль «За отвагу». Кто ни встретит — глаза на награду скосит.

Первый к солдату теперь вопрос:

— За что награждён, герой?

Никто не переспросит теперь фамилию. Не хихикнет теперь никто. С ехидством словцо не бросит.

Ясно отныне бойцам: не в фамилии честь солдатская — дела человека красят.

ДАНКО

Данко, всем известно, герой одного из рассказов Максима Горького. Спасая людей в тёмном лесу, Данко вырвал из своей груди сердце. Вспыхнуло сердце ярким пламенем, осветило дорогу людям.

Сталинград — необычный город. Длинной полосой на 65 километров протянулся он с севера на юг вдоль правого берега Волги.

К исходу сентября 1942 года наиболее грозные бои развернулись в северной части города. Тут заводской район. Вот завод «Красный Октябрь», вот «Баррикады», а вот и знаменитый Сталинградский тракторный. Гордились сталинградцы своими заводами, славой своей рабочей. Сюда, в заводской район, и рвались теперь фашисты. С утра до вечера гудела здесь страшная битва. Сила ломала силу. Упорство сошлось с упорством.

От страшного дыма, огня и пыли день превращался в ночь. От бескрайних ночных пожаров ночь превращалась в день.

Ничем особо не приметен комсомолец матрос Михаил Паникаха. Роста среднего. Силы средней. Матрос как матрос. Бескозырка. Тельняшка. Правда, матросские клеши убраны в сапоги.

Михаил Паникаха морской пехотинец. Вместе со своим батальоном он сражался здесь, в заводском районе.

Бросили фашисты против морских пехотинцев танки. Завязался неравный бой.

У танков броня, пушки и пулеметы. У матросов одни гранаты. И те на исходе.

Михаил Паникаха сидел в окопе. Как и все, отбивался от пулемётов, брони и пушек. Но вот наступил момент — нет у Паникахи больше гранат. Осталось лишь две бутылки с горючей смесью. А танки идут и идут. И бою конца не видно.

Один из танков движется прямо на Паникаху. Не уйти от судьбы солдату. В схватке сошлись человек и сталь.

Прижался матрос к окопу. Подпускает поближе танк. Держит в руках бутылку с горючим. Приготовился. Лишь бы не промахнуться. Лишь бы по-

пасть. Вот и рядом фашистский танк. Приподнялся матрос в окопе. Занёс бутылку над головой, только хотел швырнуть в стальную громаду, как вдруг ударила пуля в стекло. Разлетелась на осколки бутылка. Воспламенилась жидкость, хлынула на Паникаху. Мгновение — и факелом вспыхнул матрос.

Замерли люди. Замерло небо. Остановилось на небе солнце...

Остальное случилось в одну секунду.

— Нет, не пройти фашистам! — прокричал матрос.

Схватил Паникаха вторую бутылку с горючей смесью. Живым пламенем выскочил из окопа. Подбежал к фашистскому танку. Занёс бутылку. Ударил по решётке моторного люка. Взревел, поперхнулся фашистский танк. К небу брызнул огонь фонтаном.

Давно отгремели бои. Разошлись по домам солдаты. Много стёрла память. Но бессмертны дела бесстрашных. Живёт, не старея, память о подвиге Паникахи.

Сталинградский Данко — назвали его товарищи. Таким он вошёл в историю.

ТРАКТОРНЫЙ, ТАНКОВЫЙ

На всю страну прославился Сталинградский тракторный завод. С энтузиазмом его строили советские люди. Для мира, для мирной жизни.

И вот война. Штурмуют фашисты Сталинград. Рвутся к Сталинградскому тракторному. Бьют по заводу из пушек. Бомбят его с воздуха. Однако стоит, держится Тракторный. И не только держится, но и трудится. Там, где цеха разрушены, работа идёт под открытым небом. Стоят у станков слесари, токари, механики. А рядом винтовки. Если возникнет нужда, к бою готовы рабочие.

Гудит, шумит, не умолкает Сталинградский тракторный. Кипит работа и днём и ночью. Только, конечно, не тракторы выпускает сейчас завод. Стал он заводом танковым. Привозят сюда подбитые, искалеченные, обгоревшие в бою танки. Возвращают им жизнь рабочие.

Прибуксировали как-то на завод и этот танк. Смотрят рабочие на бортовой номер — 214. Восстановили его рабочие. Отремонтировали. Ушёл он снова навстречу огню, фашистам. Ринулся в бой с врагами.

Прошло несколько дней. Новые танки прибыли на завод. Глянули рабочие — среди них тот самый, 214-й.

— А, старый знакомый. Здравствуй! — приветствуют танк танковые мастера.

Восстановили рабочие танк. Загудел он опять мотором. Расправил плечи. Поклонился рабочим. Ушёл за заводские ворота, от важно ринулся снова в бой.

Всё жарче, жарче кругом сражение. Справа и слева, среди рвов и оврагов, среди ближних холмов и курганов и дальше, за ними,

куда лишь хватает глаз, грохочет пламя огромной битвы, схватка идёт с фашистами.

Снова проходит несколько дней. И снова рабочие на заводском дворе видят знакомый танк. На башне трещина. Накренился на правую сторону — перебила у танка гусеница. Признали его рабочие.

— Что же ты, старина?

— Да так уж случилось, — ответил танк.

Подлечили рабочие воина. Швы на броню наложили. Надели новую гусеницу, чтобы не было хромоты.

Кивнул благодарно, прощаясь, танк. И снова туда, где вскипает битва. Бьётся отважно танк. Бросается в самую гущу схваток. Смело идёт на фашистские пушки. Давит, утюжит фашистских солдат. Прикрывает своих броней, словно рыцарь щитом и латами.

Снова проходит день. Всё сильнее, сильнее битва. В ранах опять и в шрамах пересекает заводские ворота танк. Пригнулся он весь, ссутулился. Башню склонил, как голову. Казалось, перед рабочими извиняется.

— Не грусти, старина, — говорят мастера. — Бой есть бой. Всякое в жизни бывает.

— Мне бы опять к боевым товарищам.

— Подлечим, браток, подлечим.

Вновь воскресили рабочие руки танк. Полная сил и задора, уходит машина в бой. Прогрохотал он металлом. Смотрят рабочие танку вслед:

— Нашивки б ему за ранения. Орден ему за подвиги.

И танк о рабочих думает: «Памятник им в века за их золотые руки».

ЗНАМЕНИТЫЙ ДОМ

Удивителен этот дом. Стоял он в городе, в самом центре. Бомбили его фашисты. Стоял, не сдавался дом. Прямой наводкой из пушек в него стреляли. Стоял, не сдавался дом. Миномётным огнём, словно дождём, поливали фашисты дом. Стоял он, как дуб на ветру, не сдавался.

Здесь русский рядом стоял с казахом. Вместе бились украинец, грузин, узбек. Абхазец, таджик, татарин воду из общей фляжки пили.

Соберутся, бывало, солдаты в недолгий момент затишья. Присядут в солдатский круг.

О просторах родной России, о далёкой любимой лесной стороне вспоминает боец Александров. О шири казахских родных степей вспоминает казах Мурзаев. В общем союзе советских республик расцветает родная Татария. О милой Казани, о Казанке-реке речь заводит татарин Рамазанов. Высоки на Памире горы. Бездонны в горах ущелья. О милых сердцу, родных горах песнь запеваёт таджик Турдыев. Могуч, и широк, и приволен Днепр. Об Украине родной, о её колосистых полях и нивах украинца Глущенко думы. О ласковом солнце, о ласковом ветре, о ласковом небе, о ласковом море вспоминает грузин Мосиашвили. Родные арыки и белого хлопка поля представляет узбек Тургунов.

Здесь, на Волге, решается всё: судьба Украины, судьба Кавказа, участь родной земли. Знают об этом солдаты. В общем строю солдаты.

Оборону знаменитого сталинградского дома возглавляли лейтенант Иван Афанасьев и сержант Яков Павлов. По имени Героя Советского Союза сержанта Якова Федотовича Павлова часто этот дом называют домом Павлова. Однако у дома есть и второе имя. Домом солдатской дружбы окрестили его солдаты.

Идёт с фашистами бой-сражение.

— Огонька им, ребята. Побольше! Побольше! — командует сержант Яков Павлов. — Чтобы знали, чтобы не забывали, чья эта улица, чей это дом.

СТАЛИНГРАДСКАЯ ОБОРОНА

Защищают советские войска Сталинград. Отбивают атаки фашистов. Армией, оборонявшей центральную и заводскую часть города, командовал генерал-лейтенант Василий Иванович Чуйков.

Чуйков — боевой, решительный генерал.

Наступая в заводском районе, фашисты прорвались к командному пункту штаба армии. До противника триста метров. Вот-вот ворвутся сюда фашисты.

Забеспокоились штабные офицеры и адъютанты.

— Товарищ командующий, противник рядом, — доложили Чуйкову.

— Вот и прекрасно, — сказал Чуйков. — Он как раз нам и нужен.

Узнали солдаты боевой ответ генерала. Бросились на фашистов, уничтожили неприятеля.

Рядом с командным пунктом Чуйкова находился нефтяной склад. На территории склада — открытый бассейн с мазутом. Разбомбили фашистские самолёты бассейн, подожгли мазут. Устремился огненный поток в сторону командного пункта. День не стихает пожарище. Два не стихает пожарище. Неделю над пунктом и пекло, и чад, и ад.

Вновь беспокоятся адъютанты:

— Опасно, товарищ командующий, — рядом огонь!

— Вот и отлично, — сказал Чуйков. Глянул на дым, на огонь. — Прекрасная, товарищи, маскировка.

Бои идут совсем рядом со штабом Чуйкова. Так близко, что, даже когда приносят сюда еду, в котелках и тарелках то и дело попадают осколки мин и снарядов.

Прибежал к Чуйкову штабной повар Глинка:

— Товарищ генерал, да где это видано — осколки в тарелках, мины в каше, снаряды в супе!

Усмехнулся командарм:

— Так это же прекрасно, Глинка. Это же боевая приправа. Фронтовой витамин на злость.

— «Витамин»! — пробурчал Глинка.

Однако ответ понравился. Рассказал он другим солдатам. Довольны солдаты — боевой у них генерал.

Командует Чуйков армией, защищающей, обороняющей Сталинград. Однако считает, что лучшая оборона — это атака. Атакует всё время Чуйков противника. Не даёт фашистам покоя.

Прибыла в распоряжение Чуйкова новая дивизия. Явился командир дивизии к командующему, ждёт указаний. Соображает, где, в каком месте прикажут занять ему оборону. Вспоминает устав и наставления — как, по науке, лучше стоять в защите.

Склонился Чуйков над картой. Рассматривает, приговаривает: «Так-так, где же вам лучше занять оборону? И тут дыра. И тут нужны. И эти спасибо скажут!» Взял наконец карандаш, поставил кружок, от кружка провёл стрелку.

— Вот здесь, — сказал, — завтра вместе с соседом справа начнёте атаку. Цель — уничтожить скопление врага и выйти вот к этой отметке.

Глянул командир дивизии на генерала:

— Так это, выходит, целое наступление, товарищ командующий. А не оборона.

— Нет, оборона, — сказал Чуйков. — Сталинградская оборона.

Чуйков — атакующий, наступательный генерал. Во многих сражениях Великой Отечественной войны участвовал генерал. В 1945 году возглавляемые им войска одними из первых вошли в Берлин.

Великий день

ОБРАЩЕНИЕ К НАРОДУ 9 МАЯ 1945 ГОДА

Товарищи! Соотечественники и соотечественницы!

Наступил великий День Победы над Германией. Фашистская Германия, поставленная на колени Красной Армией и войсками наших союзников, признала себя побеждённой и объявила безоговорочную капитуляцию.

7 мая был подписан в городе Реймсе предварительный протокол капитуляции. 8 мая представители немецкого главнокомандования в присутствии представителей Верховного Командования союзных войск и Верховного Главнокомандования советских войск подписали в Берлине окончательный акт капитуляции, исполнение которого началось с 24 часов 8 мая.

Зная волчью повадку немецких заправил, считающих договора и соглашения пустой бумажкой, мы не имеем основания верить им на слово. Однако сегодня с утра немецкие войска во исполнение акта капитуляции стали в массовом порядке складывать оружие и сдаваться в плен нашим войскам. Это уже не пустая бумажка. Это — действительная капитуляция вооружённых сил Германии. Правда, одна группа немецких войск в районе Чехословакии всё ещё уклоняется от капитуляции. Но я надеюсь, что Красной Армии удастся привести её в чувство.

Теперь мы можем с полным основанием заявить, что наступил исторический день окончательного разгрома Германии, день Великой Победы нашего народа над германским империализмом.

Великие жертвы, принесённые нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимы лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряжённый труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь Отечества, — не прошли даром и увенчались полной

победой над врагом. Вековая борьба славянских народов за своё существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией.

Отныне над Европой будет развеяться великое знамя свободы народов и мира между народами.

Три года назад Гитлер всенародно заявил, что в его задачи входит расчленение Советского Союза и отрыв от него Кавказа, Украины, Белоруссии, Прибалтики и других областей. Он прямо заявил: «Мы уничтожим Россию, чтобы она больше никогда не смогла подняться». Это было три года назад. Но сумасбродным идеям Гитлера не суждено было сбыться — ход войны развеял их в прах. На деле получилось нечто прямо противоположное тому, о чём бредили гитлеровцы. Германия разбита на голову. Германские войска капитулируют. Советский Союз торжествует победу, хотя он и не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию.

Товарищи! Великая Отечественная война завершилась нашей полной победой. Период войны в Европе кончился. Начался период мирного развития.

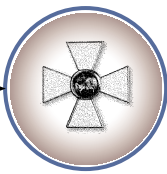
С победой вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы!

Слава нашей героической Красной Армии, отстаившей независимость нашей Родины и завоевавшей победу над врагом!

Слава нашему великому народу, народу-победителю!

Вечная слава героям, павшим в боях с врагом и отдавшим свою жизнь за свободу и счастье нашего народа!

Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин

«Малютка»

Художник В. ЮДИН

О том, как воевали во время Великой Отечественной войны наши солдаты, вы, конечно, читали. А знаете ли вы, что победить врага им помогали и дети? Вот одна из таких историй.

Жила в Смоленской области девочка. Звали её Адочкой Занегиной. Когда началась война, её отец сразу ушёл на фронт. А Адочка с мамой, спасаясь от наступающих немцев, как многие другие семьи, уехали на Урал.

Мама Адочки была врачом. И там, в Омске, она лечила раненых солдат. Однажды Адочка услышала от мамы, что все её товарищи по работе — врачи и медсёстры, чтобы помочь фронту, сдают деньги и самое

дорогое, что у них есть: золотые часы, кольца.

«Я тоже помогу фронту», — решила девочка. И печатными буквами написала в газету: «Я Ада Занегина. Мне 6 лет. Гитлер выгнал меня из Сычёвки Смоленской области. Я хочу домой. Я собрала на куклу 122 рубля 25 копеек. А теперь отдаю их на танк. И назовём его «Малютка».

Ада и редакция газеты получила сотни писем от ребят, которые сообщали, что они тоже отдают свои деньги на строительство «Малютки».

А через некоторое время редакция газеты «Омская правда» получила телеграмму от Верховного главнокомандующего маршала И. Сталина. Он

писал: «Прошу передать дошкольникам города Омска, собравшим на строительство танка «Малютки» 160 886 рублей, мой горячий привет и благодарность Красной армии».

Танк «Малютка» был построен. Он героически сражался и на Курской дуге, и под Сталинградом.

И вот что ещё интересно в этой истории. Бывшая Адочка Занегина, а теперь уже Адель Александровна, встретила с механиком-водителем того самого танка Екатериной Алексеевной Петлюк. Их приглашают в школы. И они рассказывали о войне: одна о том, как вместо куклы купила танк, другая о том, как воевала на нём.

ЕДИНСТВЕННЫЙ В МИРЕ ПАМЯТНИК

Он стоит на окраине одного украинского села. Памятник поставлен в память погибших здесь в одном бою — и людей, и собак.

А случилось это так. В самом начале Великой Отечественной войны, в июле 1941 года, в этих местах в окружении оказался

отдельный батальон пограничников. Вместе со своими служебными собаками, с которыми они служили на границе.

И вот когда у пограничников кончились патроны, они пошли на врага в атаку со штыками наперевес. Но силы были неравны: у немцев — автоматы, а у наших — штыки. И тогда командир пограничников направил в бой... служебных собак.

Жители села, возле которого установлен памятник, до сих пор помнят этот бой. Они видели, как, повинаясь команде, более сотни собак бросились на выручку своих друзей — проводников-пограничников, сражавшихся из последних сил. Овчарки буквально вгрызались во врагов. И немецкие солдаты, ошеломлённые этим невероятным натиском, не выдержали — побежали! Вернулись они на танках. Сидя на броне, они

поливали автоматным огнём оставшихся живых пограничников и собак.

Когда немцы ушли из села, местные жители решили похоронить пограничников. Придя на поле, они увидели, что рядом с каждым проводником лежит его верная собака. И они никого не подпускали к убитым. Собакам приносили еду, но они отказывались от неё. И умирали — одна за другой, от ран и голода. Их так и похоронили вместе.

На том памятнике высечены такие слова: «Остановись и поклонись. Тут в июле 1941 года поднялись в последнюю атаку на врага бойцы отдельной пограничной комендатуры. 500 пограничников и 150 их служебных собак полегли смертью храбрых в том бою. Они остались навсегда верными присяге, родной земле».

Пётр ПИНКИСЕВИЧ

Илл. к «Рассказам о Суворове» С. Алексеева

Пётр Наумович Пинкисевич — художник-график, иллюстратор, живописец, член Союза художников СССР, народный художник РСФСР.

Пётр Пинкисевич родился 8 июня 1925 года в Бодайбо Иркутской губернии, скончался 6 февраля 2004 года в Москве.

В детские годы семья Петра Пинкисевича переехала из Бодайбо в Москву. Учился Пётр в Ленинградской художественной школе, которую закончил в 1943 году в возрасте 18 лет. В этом же

году он вступил в ряды ВЛКСМ и начал военную подготовку в Анжерской-Судженской артиллерийской школе. Он заканчивает и ускоренные артиллерийские курсы в Самарканде, откуда и был призван на фронт 16 февраля.

Два с лишним года Пётр Наумович в звании младшего лейтенанта как командир взвода противотанковой батареи 1-го Мотострелкового батальона 37-й механизированной Слуцко-Померанской Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова бригады сражался на 1-м Бе-

лорусском фронте. До 1947 года проходил службу в Германии.

17 января 1945 года в 27 километрах западнее Варшавы расчёт Петра Пинкисевича встретился со значительно превосходящей по численности и вооружённой «Фаустами» группой немцев, пытавшихся поджечь нашу автомашину и завладеть

пушкой. Несмотря на внезапность атаки и яростные попытки немцев уничтожить наш расчёт, под ружейным и орудийным огнём (командир расчёта

Пинкисевич приказал открыть огонь из орудия), немецкие солдаты были вынуждены отойти, оставив 8 человек и свою автомашину. В этом бою лей-

тенант Пинкисевич, несмотря на ранение, находился непосредственно у орудия. За проявленные мужество и отвагу младший лейтенант Пинкисевич был награждён медалью «За отвагу».

В 1947 году Пётр Наумович вступает в Студию военных художников им. М. Б. Грекова. В 1953 году начинает сотрудничество с журналом «Огонёк». Пинкисевич создаёт живописные художественные циклы «Оборона Сталинграда» (1947), «Оборона Севастополя» (1949) и «Освобождение Новороссийска» (1950).

Иван Шмелев
Великий пост

УГОЛОК РОССИИ:
Прямухино

СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК,
СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК:
Ботинки, которые задирали нос

Б. Лавренев
Разведчик Вихров

На 1950–1990-е приходится основной период творчества художника: множество журналов, произведений классиков, романов, детских и военных рассказов, книг приключений, фантастики и детективов проиллюстрировал Пётр Наумович Пинкисевич. В этом ряду повесть Бориса Львовича Васильева «А зори здесь тихие...», книги Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка, Вячеслава Яковлевича Шишкова, Ивана Сергеевича Тургенева, Ивана Александровича Гончарова, Джонатана Свифта, Ги де Мопассана, Оноре де Бальзака, Виктора Гюго, Джека Лондона, Теодора Драйзера, Эптона Синклера, Джона Голсуорси, Михаила Алексеевича Шолохова, Эриха Марии Ремарка. Персональные выставки художника состоялись в 1966 и 1976 годах.

Михаил Пришвин

Весенние миниатюры

Весна

Что-то делаю, ничего не вижу в природе, ни за чем не слежу. Но чувствую, что кто-то ходит со мной желанный, и как о нём подумаешь — так хорошо становится. А бывает, что-то не клеится, плохо выходит, и в то же время чувствуешь что-то хорошее. Вспомнишь о хорошем и поймёшь: это весна.

Вода

Никто в природе так не заатаивается, как вода, и только перед большой и радостной зарёй бывает так на сердце человека: притаишься, соберёшься, и как будто сумел, достал себя из той глубины, то есть проток в мир всеобщего родства, зачерпнул там живой воды и вернулся в наш человеческий мир — и тут навстречу тебе лучезарная тишь воды, широкой, цветистой, большой.

Песня воды

Весна воды собирает родственные звуки, бывает, долго не можешь понять, что это: вода булькает, или тетерева бормочут, или лягушки урчат. Все вместе сливаются в одну песню воды, и над ней согласно всему блеет бекас божьим баранчиком, в согласии с водой вальдшнеп хрипит и таинственно ухает выпь: всё это странное пение птиц из песни весенней воды.

Запоздалая весна

Цветут сначала ландыши, потом шиповник: всему есть своё время цвести. Но бывает, целый месяц пройдёт с тех пор, как отцветут ландыши, а где-нибудь в самой чёрной лесной глуши цветёт себе один и благоухает. И так очень редко, но бывает и с человеком. Бывает, где-то в затишье в тени жизненной незнаемый человек,

о нём думают: «отжил», и мимо пройдут. А он вдруг неожиданно выйдет, засветится и зацветёт.

Весенняя уборка

Ещё несколько дней, какая-нибудь неделя — и весь этот невероятный хлам в лесу природа начнёт закрывать цветами, травами, зеленеющими мхами, тонкой молодой порослью. Трогательно смотреть, как природа заботливо убирает два раза в год свой жёлтый сухой и мёртвый костяк: один раз весной она закрывает его от нашего глаза цветами, другой раз — осенью. Ещё цветут орехи и ольха, и их золотые серёжки ещё и сейчас дымятся от прикосновения птичек, но не в них теперь дело: они живут, но их время прошло. Сейчас удивляют и господствуют множеством своим и красотой синие цветики звёздочкой. Изред-

ка попадает, но тоже удивляет «волчье лыко».

Лёд растаял на лесной дорожке, остался навоз, и на этот навоз, как будто чужого, налетело из еловых и сосновых шишек множество семян.

Весенний переворот

Днём на небе были на одной высоте «кошачьи хвосты», на другой — плыл огромный неисчислимый флот кучевых облаков. Мы не могли узнать, что наступает и что проходит: циклон или антициклон. Вот теперь вечером всё и сказалось: именно в этот вечер совершился долгожданный переворот, переход от неодождённой весны к зеленеющей весне.

Случилось это так: мы шли в разведку в диком лесу. Остатки жёлтых тростников на кочках между ёлками и берёзками напоминали нам, какую непроницаемую для солнечных лучей, какую непроходимую глушь представляет собой этот лес летом и осенью. Но глушь эта нам была мила, потому что в лесу теплело и чувствовалась во всём весна. Вдруг блеснула вода... Мы пришли прямо на берег и будто попали сразу же в другую страну с тёплым климатом: бурно кипела жизнь, пели все болотные птицы, бекасы, дупеля токовали, будто Конёк-горбунок скакал в темнеющем воздухе, токовали тетерева, дали сигнал свой трубный почти возле нас журавли; словом, тут было всё наше любимое, и даже утки сели против нас на чистую воду. И ни малейшего звука от человека: ни свистка, ни тутуканья мотора. В этот час и совершился переворот, и начало всё расти и распускаться.

Реки цветов

Там, где тогда мчались весенние потоки, теперь везде потоки цветов.

И мне так хорошо было пройтись по этому лугу, я думал: «Значит, недаром неслись весной мутные потоки».

Цветут берёзки

Когда старые берёзки цветут и золотистые серёжки скрывают от нас наверху уже раскрытые маленькие листы, внизу на молодых везде видишь ярко-зелёные листики величиной в дождевую каплю, но все-таки весь лес ещё серый или шоколадный, — вот тогда встречается черёмуха и поражает: до чего же листья её на сером кажутся большими и яркими. Бутоны черёмухи уже готовы. Кукушка поёт самым сочным голосом. Соловей учится, настраивается.

Недовольная лягушка

Даже вода взволновалась, — вот до чего зыгрались лягушки. Потом они вышли из воды и разбрелись по земле: вечером было, — что ни шаг, то лягушка.

В эту тёплую ночь все лягушки тихонечко урчали, и даже те урчали, кто был недоволен судьбой; в такую-то ночь стало хорошо и недовольной лягушке, и она вышла из себя и, как все, заурчала.

Рождение звука

После оттепели — солнечное утро. Снег осел, под елями-соснами как песком посыпано: это вытаивают из разных слоёв и слагаются в

один слой старые рыжие хвоинки. То же самое и под репейниками: сколько их теребили зимой щеглы и синицы — всё теперь в один слой под ними лежит.

В городе вода — в лесу снег; дороги отмечены, рыжие. На опушках под деревьями кружки: тут на припёке сейчас вся весна. С двенадцати до четырёх лучи солнца, как пожар, на снегу: из-под снега начинают выпрыгивать веточки и лапки елей. А бывает в лесах при стремительной весне такой жаркий час, когда весь лес шевелится, — глазами видишь, как лес встаёт.

На склонах по дорогам бегут ручьи. В лесу ещё тишина, и только свет вспыхивает там и тут. В прогалинах на опушках рождаются первые капли, и от них рождается первый звук.

Жаркий час

В полях тает, а в лесу ещё снег лежит нетронутый, плотными подушками на земле и на ветках деревьев, и деревья стоят в снежном плену. Тонкие стволики пригнулись к земле, примерзли и ждут с часу на час освобождения.

Наконец приходит этот жаркий час, самый счастливый для неподвижных деревьев и страшный для зверей и птиц.

Пришёл жаркий час, снег незаметно подтаивает, и вот в полной лесной тишине, как будто сама собой, шевельнется еловая веточка и закачается. А как раз под ёлкой, прикрытый её широкими ветками, спит заяц. В страхе он встаёт и прислушивается: веточка не может же сама собой шевельнуться.

Зайцу страшно, а тут на глазах его другая, третья

ветка шевельнулась и, освобождённая от снега, подпрыгнула. Заяц метнулся, побежал, опять сел столбиком и слушает: откуда беда, куда бежать?

И только стал на задние лапки, только оглянулся, как прыгнет вверх перед самым его носом, как выпрямится, как закачается целая берёза, как махнет рядом ветка ёлки! И пошло, и пошло: везде прыгают ёлки, вырываясь из снежного плена, весь лес кругом шевелится, весь лес пошел.

И мечется обезумевший заяц, и встает всякий зверь, и птица улетает из леса.

Утро подвигалось всё больше к рассвету, лес наполнялся птичьими песнями и криками зверьков. Но бедные птички и зверушки, как мучились они, стараясь выговорить какое-то общее всем, единое прекрасное слово.

— Тэк-тэк! — чуть слышно постукивает глухарь.

— Шварк-шварк! — Дикий селезень пролетел над речкой. — Кряк-кряк! — Красная птичка снегирь на берёзе. Тетерев там где-то бормочет и чуфыкает...

Мы, охотники, с детства своего слышим эти звуки... Мы радуемся и хорошо понимаем, над каким словом все они трудятся и не могут сказать. Вот почему мы, когда придём в лес на рассвете и услышим, так и скажем им, как людям, это слово:

— Здравствуйте!

И как будто они тогда тоже обрадуются, подхватят чудесное слово, слетевшее с языка человеческого. И закрикают в ответ, и зачуфыкают, и затэтэкают, и зашваркают, стараясь всеми голосами этими ответить нам:

— Здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте!

Бывают на свете такие места, на счёт которых непонятно — это центр или провинция, глубинка или что-то столичное? Одно из таких мест — царская усадьба Ораниенбаум под Петербургом, в городе Ломоносове.

С одной стороны, она относится к усадебному комплексу Петергофа, входит с ним в одну структуру, состоит из царского дворца и старинного парка. Но при этом Ораниенбаум туристы посещают гораздо реже, чем Петергоф или Царское Село. И не только потому, что в Ораниенбауме нет фонтанов.

Петергоф — он совсем близко от города. При желании пешком можно дойти. Туда ходит множество автобусов и маршрутных такси, часто бегают электрички. Станция «Ораниенбаум» расположена на той же Балтийской железной дороге, но через несколько остановок. Она выглядит как конечная, хотя несколько раз в день электрички следуют и дальше, в город атомщиков Сосновый Бор.

По одну сторону станции — заросшая дикой ивой промышленная прибрежная зона. Сквозь деревья можно рассмотреть остров

Котлин (Кронштадт), до которого рукой подать. Но непонятно, как пробраться сквозь это пыльное зелёное буйство и ржавые заборы то ли действующих, то ли закрытых предприятий и грузовых терминалов.

Зато с другой стороны — элегантный каменный город, который с 1948 года называется «Ломоносов». Своим устройством он ясно показывает, что строился для придворных. Каналы в гранитных берегах, строгой, но уютной архитектуры особняки и учреждения... Почти столица, только в миниатюре. Вполне сгодилась бы под главный город какому-нибудь Лихтенштейну или Монако.

А в следующем за станцией квартале — уже дворцовый парк, и немалый, хотя большую часть его — идущую вдоль канала к морю — давным-давно отобрали у усадьбы. Но и оставшийся «кусочек» достаточно разнообразен: тут и пейзажная, и регулярная часть, ручей и пруд, и даже своего рода лабиринт, наполовину закрывающий фасад главного дворца.

Ораниенбаумский дворец — результат петровских преобразований восточной Прибалтики, ровесник Петергофа. Он вошёл в запланированное Петром Алексееви-

чем ожерелье дворцовых парков вокруг новой столицы, был частью задуманного царём «парадиза» (земного рая). Но судьба дворца и парка оказалась совсем не такой блестящей, как у других жемчужин этого ожерелья. На многие годы и десятилетия Ораниенбаум обрекался на забвение и запустение. Потом находился новый хозяин, но что-то происходило — и в парке снова воцарялась тишина и поднимался бурьян...

Такая неровная биография усадьбы связана в первую очередь с судьбой её хозяев. Первым владельцем этого места был светлейший князь Алексей Данилович Меншиков, ближайший друг и сподвижник Петра Первого. Меншиков был губернатором (герцогом) ижорской земли — окрестностей Петербурга. Кроме того, Меншиков любил во всем быть первым, и поэтому загородный дворец, который он построил в 1725 году, вышел богатым, красивым и далеко не маленьким, под стать царскому.

Возможно, Меншиков дал и название месту — Ораниенбаум. Обычно это название связывают с апельсиновым (или померанцевым) деревом, которое было принадлежностью самых богатых оранжерей той эпохи. И сейчас апельсиновые деревья — главный символ города Ломоносова. Но существует и другая версия — название усадьбе могло быть дано в честь принца Оранского, кумира Петра Великого.

Меншиков недолго наслаждался отдыхом в своём летнем дворце (его зимний дво-

рец находился в Петербурге, на Васильевском острове). В 1727 году, уже после смерти царя, в результате придворных интриг (которые он сам в немалой степени и организовал) Меншикова снимают со всех должностей и ссылают на север, где он умирает. Дворец переходит «в казну», то есть в государственную собственность. Но тогдашнее руководство страны и дворцового ведомства явно не знает, что делать с этим зданием. Оно используется от случая к случаю, а по большей части пустует до 1743 года, когда в Россию из Германии привозят внука царицы Елизаветы Петра Фёдоровича (будущего императора Петра III). Дворец и парк снова оживают. Развёртывается строительство новых павильонов и нового малого дворца лично для Петра Фёдоровича.

Как известно, супруга Петра Третьего, царица Екатерина, в 1762 году пришла к власти в результате переворота. Император был убит неподалёку от Ораниенбаума, а в самом городе он подписал своё отречение. Вспоминать об этом инциденте Екатерине Великой было, конечно, неприятно, а поскольку каждый уголок Ораниенбаума напоминал о её муже, этот город снова «попал в опалу». Парк опустел. Но город, который уже успел сформироваться вокруг усадьбы, продолжал развиваться как центр своего небольшого района.

«Золотым веком» Ораниенбаума можно считать период с 1830 до 1917 года, когда

Китайский дворец

парком владела семья великого князя Михаила Павловича. Истинной хозяйкой Ораниенбаума была его жена Елена Павловна, а затем её дочь Екатерина Михайловна. Усадьба стала излюбленной летней дачей семейства. Тогда каждое лето городок становился культурной столицей России. В Ораниенбаум приезжали Пушкин, Чайков-

Павильон Катальной горки

ский, Римский-Корсаков, Достоевский, Л. Бенуа, путешественник Миклухо-Маклай. Здесь был дом композитора Фёдора Стравинского — отца знаменитого Игоря.

Но золотой век кончился, с ним и серебряный, и город снова преобразился. Теперь он стал крупным военным пунктом. Вообще-то войска стояли здесь, наверное, со времён Петра Третьего, страстно любившего муштру и солдатиков. Но после революции армия полностью завладела Ораниенбаумом. Ведь город оказался недалеко от границы соседнего, враждебного государства — Эстонии. Рядом, за Финским заливом, была и вражеская Финляндия. Ораниенбаум вместе с Кронштадтом и Гатчиной стал частью ближайшего круга обороны Ленинграда.

Больше того — Ораниенбаум оказался самым крепким элементом этой системы. Его так и не смогли занять немцы. Гитлеровцы уничтожили Петергоф, захватили Гатчину и Царское Село, но Ораниенбаум при поддержке артиллерии Кронштадта продержался. Образовался так называемый «Ораниенбаумский плацдарм», который немало помог блокадному Ленинграду. В 1944 году оттуда началось решающее наступление для окончательного снятия блокады города.

После войны, хотя граница и отодвинулась, Ораниенбаум-Ломоносов ещё долго оставался гарнизонным, армейским, полузакрытым городом.

Так что судьба Ораниенбаума была нелегкая. Но это не мешает нашей любви к этому городу-музею. Можно только позавидовать его жителям: они живут в «музее-заповеднике Петергофе», в непосредственной близости к Санкт-Петербургу, но при этом в тишине и покое. Автобусы с организованными туристами и редкие «дикари» не создают особого шума. В Ораниенбауме легко дышится, здесь просторно и приятно глазу. И если вы устали от столпотворения в главных туристических местах Санкт-Петербурга, вам несомненно сюда, в «апельсиновый город».

Между прочим, стоит сюда приехать ещё и потому, что Меншиковский (Большой) Ораниенбаумский дворец — единственный пригородный дворец Петербурга, уцелевший в годы Великой Отечественной войны. Конечно, какие-то незначительные разрушения были и у него, но их не сравнить с катастрофой, которую пережили Петергоф или Царское Село. Эти самые знаменитые, самые роскошные царские дворцы были уничтожены немцами и восстановлены после войны практически с нуля. Правда, сохранился Гатчинский дворец, несмотря на то, что в нём хозяйничали немцы. Но он, в отличие от Ораниенбаума, до сих пор до конца не отреставрирован.

Наконец, Ораниенбаум — один из самых оригинальных и загадочных пригородов Петербурга. Здешний парк не похож ни на роскошное барочное устройство Петергофа, ни на лирический пейзаж Павловска. Он вообще как-то выпадает из всех стилей, хотя в нём видны и барочные, и пейзажные элементы. Его характер — немного надушенный и замкнутый. Обсаженные высокими деревцами лабиринты перед главным фасадом дворца не веселят, а озадачивают. И хотя многознающие экскурсоводы наверняка расскажут вам много интересных подробностей о жизни дворца и сада, всё равно что-то главное останется необъяснённым. А когда вы захотите самостоятельно изучить историю города, то увидите, что книг и исследований об Ораниенбауме гораздо меньше, чем об остальных пригородах Петербурга. Это значит, Ораниенбаум ещё как следует не изучен, и здесь можно сделать настоящие научные открытия.

Похождения жука-носорога

СОЛДАТСКАЯ СКАЗКА

Когда Пётр Терентьев уходил из деревни на войну, маленький сын его Стёпа не знал, что подарить отцу на прощание, и подарил, наконец, старого жука-носорога. Поймал он его на огороде и посадил в коробок от спичек. Носорог сердился, стучал, требовал, чтобы его выпустили. Но Стёпа его не выпускал, а подсовывал ему в коробок травинки, чтобы жук не умер от голода. Носорог травинки сгрызал, но всё равно продолжал стучать и браниться.

Стёпа прорезал в коробке маленькое оконце для притока свежего воздуха. Жук высовывал в оконце мохнатую лапу и старался ухватить Стёпу за палец — хотел,

должно быть, поцарапать от злости. Но Стёпа палец не давал. Тогда жук начинал с досады так жужжать, что мать Стёпы Акулина кричала:

— Выпусти ты его, лешего! Весь день жундит и жундит, голова от него распухла!

Пётр Терентьев усмехнулся на Стёпин подарок, погладил Стёпу по голове шершавой рукой и спрятал коробок с жуком в сумку от противогаса.

— Только ты его не теряй, сбереги, — сказал Стёпа.

— Нешто можно такие гостинцы терять, — ответил Пётр. — Уж как-нибудь сберегу.

То ли жуку понравился запах резины, то ли от Петра приятно пахло шинелью и

чёрным хлебом, но жук присмилел и так и доехал с Петром до самого фронта.

На фронте бойцы удивлялись жуку, трогали пальцами его крепкий рог, выслушивали рассказ Петра о сыновьем подарке, говорили:

— До чего додумался парнишка! А жук, видать, боевой. Прямо ефрейтор, а не жук.

Бойцы интересовались, долго ли жук протянет и как у него обстоит дело с пищевым довольствием — чем его Пётр будет кормить и поить. Без воды он хотя и жук, а прожить не сможет.

Пётр смущённо усмехался, отвечал, что жуку дашь какой-нибудь колосок — он и питается неделю. Много ли ему нужно.

Однажды ночью Пётр в окопе задремал, выронил коробок с жуком из сумки. Жук долго ворочался, раздвинул щель в коробке, вылез, пошевелил усиками, прислушался. Далеко гремела земля, сверкали жёлтые молнии.

Жук полез на куст бузины на краю окопа, чтобы лучше осмотреться. Такой грозы он ещё не видал. Молний было слишком много. Звёзды не висели неподвижно на небе, как у жука на родине, в Петровой деревне, а взлетали с земли, освещали всё вокруг ярким светом, дымились и гасли. Гром гремел непрерывно.

Какие-то жуки со свистом проносились мимо. Один из них так ударил в куст бузины, что с него посыпались красные ягоды. Старый носорог упал, прикинулся мёртвым и долго боялся пошевелиться. Он понял, что с такими жуками лучше не связываться — уж очень много их свистело вокруг.

Так он пролежал до утра, пока не поднялось солнце. Жук открыл один глаз, по-

смотрел на небо. Оно было синее, тёплое, такого неба не было в его деревне. Огромные птицы с воем падали с этого неба, как коршуны. Жук быстро перевернулся, встал на ноги, полез под лопух — испугался, что коршуны его заклуют до смерти.

Утром Пётр хватился жука, начал шарить кругом по земле.

— Ты чего? — спросил сосед-боец с таким загорелым лицом, что его можно было принять за негра.

— Жук ушёл, — ответил Пётр с огорчением. — Вот беда!

— Нашёл об чём горевать, — сказал загорелый боец. — Жук и есть жук, насекомое. От него солдату никакой пользы сроду не было.

— Дело не в пользе, — возразил Пётр, — а в памяти. Сынишка мне его подарил напоследок. Тут, брат, не насекомое дорого, а дорога память.

— Это точно! — согласился загорелый боец. — Это, конечно, дело другого порядка. Только найти его — всё равно что махорочную крошку в океане-море. Пропал, значит, жук.

Старый носорог услышал голос Петра, зажужжал, поднялся с земли, перелетел несколько шагов и сел Петру на рукав шинели. Пётр обрадовался, засмеялся, а загорелый боец сказал:

— Ну и шельма! На хозяйский голос идёт, как собака.

Насекомое, а котелок у него варит.

С тех пор Пётр перестал сажать жука в коробок, а носил его прямо в сумке от противогаза, и бойцы ещё больше удивлялись: «Видишь ты, совсем ручной сделался жук!»

Иногда в свободное время Пётр выпускал жука, а жук ползал вокруг, выискивал какие-то корешки, жевал листья. Они были уже не те, что в деревне. Вместо листьев берёзы много было листьев вяза и тополя. И Пётр, рассуждая с бойцами, говорил:

— Перешёл мой жук на трофейную пищу.

Однажды вечером в сумку от противогаза подул свежестью, запахом большой воды, и жук вылез из сумки, чтобы посмотреть, куда это он попал.

Пётр стоял вместе с бойцами на пароме. Паром плыл через широкую светлую реку. За ней садилось золотое солнце, по берегам стояли ракиты, летали над ними аисты с красными лапами.

— Висла! — говорили бойцы, зачерпывали манерками воду, пили, а кое-кто умывал в прохладной воде пыльное лицо. — Пили мы, значит, воду из Дона, Днепра и Буга, а теперь попьём и из Вислы. Больно сладкая в Висле вода.

Жук подышал речной прохладой, пошевелил усиками, залез в сумку, уснул.

Проснулся он от сильной тряски. Сумку мотало, она подскакивала. Жук быстро вылез, огляделся. Пётр бежал по пшеничному полю, а рядом бежали бойцы, кричали «ура». Чуть светало. На касках бойцов блестела роса.

Жук сначала изо всех сил цеплялся лапками за сумку, потом сообразил, что всё равно ему не удержаться, раскрыл крылья, снялся, полетел рядом с Петром и загудел, будто подбодряя Петра.

Какой-то человек в грязном зелёном мундире прицелился в Петра из винтовки, но жук с налёта ударил этого человека в глаз. Человек пошатнулся, выронил винтовку и побежал.

Жук полетел следом за Петром, вцепился ему в плечи и слез в сумку только тогда, когда Пётр упал на землю и крикнул кому-то: «Вот беда! В ногу меня задело!» В это время люди в грязных зелёных мундирах уже бежали, оглядываясь, и за ними по пятам катилось громовое «ура».

Месяц Пётр пролежал в лазарете, а жука отдали на сохранение польскому мальчику. Мальчик этот жил в том же дворе, где помещался лазарет.

Из лазарета Пётр снова ушёл на фронт — рана у него была лёгкая. Часть свою он догнал уже в Германии. Дым от тяжёлых боёв был такой, будто горела сама земля и выбрасывала из каждой лощинки громадные чёрные тучи. Солнце меркло в небе. Жук, должно быть, оглох от грома пушек и сидел в сумке тихо, не шевелясь.

Но как-то утром он задвигался и вылез. Дул тёплый ветер, уносил далеко на юг последние полосы дыма. Чистое высокое солнце сверкало в синей небесной глубине. Было так тихо, что жук слышал шелест листа на дереве над собой. Все листья висели неподвижно, и только один трепетал и шумел, будто радовался чему-то и хотел рассказать об этом всем остальным листьям.

Пётр сидел на земле, пил из фляжки воду. Капли стекали по его небритому подбородку, играли на солнце. Напившись, Пётр засмеялся и сказал:

— Победа!

— Победа! — отозвались бойцы, сидевшие рядом.

Один из них вытер рукавом глаза и добавил:

— Вечная слава! Стосковалась по нашим рукам родная земля. Мы теперь из неё сделаем сад и заживём, братцы, вольные и счастливые.

Вскоре после этого Пётр вернулся домой. Акулина закричала и заплакала от радости, а Стёпа тоже заплакал и спросил:

ку в лес, где аукались ребята, собирали грибы и дикую малину. Стёпа долго бежал за ним, махал картузом.

— Ну вот, — сказал Пётр, когда Стёпа вернулся, — теперь жучище этот расскажет своим про войну и про героическое своё поведение. Соберёт всех жуков под можжевельником, поклонится на все стороны и расскажет.

Стёпа засмеялся, а Акулина сказала:

— Жук живой?

— Живой он, мой товарищ, — ответил Пётр. — Не тронула его пуля. Воротился он в родные места с победителями. И мы его выпустим с тобой, Стёпа.

Пётр вынул жука из сумки, положил на ладонь.

Жук долго сидел, озирался, поводил усами, потом приподнялся на задние лапки, раскрыл крылья, снова сложил их, подумал и вдруг взлетел с громким жужжанием — узнал родные места. Он сделал круг над колодцем, над грядкой укропа в огороде и полетел через реч-

ку в лес, где аукались ребята, собирали грибы и дикую малину. Стёпа долго бежал за ним, махал картузом.

— И пусть его верит, — ответил Пётр. — От сказки не только ребятам, а даже бойцам одно удовольствие.

— Ну разве так! — согласилась Акулина и подбросила в самовар сосновых шишек.

Самовар загудел, как старый жук-носорог. Синий дым из самоварной трубы заструился, полетел в вечернее небо, где уже стоял молодой месяц, отражался в озёрах, в реке, смотрел сверху на тихую нашу землю.

Три коробочки

Жил-был царь: и стать в нём, и лицом пригож, к трону идёт — залюбуешься. Но пришла беда, да не одна, навалились на него разные недуги: неуклюжим стал, слабым, что видел, не помнил. Приставили к нему шута-няньку, если надо по лестнице спуститься, он за ручку ведёт, если тяжёлый посох поднять, шут тут как тут — помочь спешит, надо вспомнить что — расскажет подробно, а болтовню мог день напролёт выслушивать.

Снова царь хорошо зажил, припеваючи, да случилась от той болтовни непредвиденное — заболел страшной болезнью: захотел большего, чем владел! От жадности-зависти сна лишился, здоровье терял ежечасно. А тут ещё, как на грех, пришлось посла принимать не совсем умного: он только порог переступил, давай сразу бахвалиться, что у него, мол, в соседней стране и богатства несметные, и красоты неописуемые, и люди зажиточные. Еле стерпел царь унижение, но вида не подал, решил сам убедиться: правда это или так — побасенки. Поутру приказал снарядить пышный поезд.

Едет царь в карете золочёной, округ дружинники на конях с пиками железными, саблями в серебряных ножнах, позади обоз на резных возках, а в них чего только нет: и шатёр парчовый, и бельё постельное шёлковое, и провиант всякий, а отдельно кухня на колёсах — повара щи варят.

Едет — в полях бескрайних пшеница зреет, колосится.

— А у нас как? — спрашивает у шута, — напосми.

Тот отвечает:

— А у нас земля истощилась, ничего не растёт.

Едет дальше — леса еловые и сосновые, рощи дубовые, из таких корабли строить.

— А у нас?

— Давно вырублены, — слышит ответ.

Дорога в гору пошла — на изумрудных склонах тучные стада пасутся.

— А у нас как? — опять спрашивает царь, — позабыл что-то.

— А у нас скот всю траву вытоптал.

Едет царь, по сторонам зыркает, окно от нервности ногтями скребёт, всё сразу ухватить хочет, да руки коротки. А народ на убранство дорогое не пялится, посмотрит мельком и вновь за свои дела принимается. Закипела у царя кровь от злости, что люди к нему безразличны, почернел от зависти, да так, что лекари испугались, как бы его кондрашка-паралич не хватил — не сносить им тогда головы. Еле уговорили домой возвращаться.

Повезло подданным — в первый же день по приезду забыл царь всё напрочь, а то непременно пошёл бы на соседа войной. Повезло в этом, да случилась другая напасть — ступил он неловко, упал, ногу вывернул, хотел встать, посох поднять, да не сумел... Хорошо, шут помог на трон залезть...

Сидит царь, издалека посмотреть — умную думу думает, как страну улучшить, а на самом деле спит! И тут враз надоело шуту нянькой быть, опротивело, и посетила его мысль: сделать себе в помощь какую-нибудь вещь.

Сам неумёха, да хитрый был — сообразил, что надо царя использовать, сочинил от его имени указ:

«Немедленно разыскать шукаря-умельца, который смастерит такие штуки, чтобы немощным людям няньки-лекари не понадобились».

Царь спросонок, не глядя, подписал. А если бы прочитал, ни в жизнь бы не поставил закорючки: «Это что ж получается, все на равных станут. Непорядок!»

Послали во все концы гонцов-глашатаев. Те через месяц докладывают:

— Есть таков, но проживает в соседней стране.

Подобрал шут лазутчиков, чтобы выкрали. Ловкие они были, удачливые, сделали всё тихо и незаметно.

Привели к царю в тайную комнату человека: ростом невелик, руки как у всех... Шут рядом крутится, невтерпёж ему. Чтобы дело ускорить, решил к царю подлизаться, ткнул в умельца:

— Это, батюшка, шукаря известный, сделает тебя самым могущественным!

Царь от удивления, радости даже с трона привстал.

Шут по привычке за палачом послал, чтобы напугать, да не обратил внимания, что глаза умельца умом светятся, всё наперёд видят, ни страха в них, ни мало-мальской боязни. Стоит спокойно, ничего не говорит в подтверждение шутовских слов. Не понравилась царю такая независимость, угрожать начал, палач топором-секирой по полу стукнул. Человек — ноль внимания. Заорал царь истошно:

— Не сделаешь, голову отрублю.

Вздыхнул человек и ответил:

— Попробую.

Затолкали шукаря в каменную палату, на окнах решётки. Выставили охрану. Колдуй!

День за днём проходят, результата нет. Шут от ожидания совсем измаялся. Наконец привели искусника в тайную комнату... Царь на лавке сидит, ко всему безучастный, куклой-петрушкой забавляется, кто перед ним стоит и зачем пришёл, не припомнит.

Шут спрашивает:

— Сделал диковину? — и для убедительности секиру к шее приставил.

Искусник спокойно секиру отстранил, вежливо поклонился, вынул из-за пазухи три корбочки и говорит:

— Твоё могущество в них спрятано.

Царь глаза выпучил, шут уши навострил. Слушают, боятся слово пропустить. Умелец стал объяснять неторопливо, доходчиво.

Показал янтарную:

— Если поднимешь крышечку, станешь самым ловким. — Показал малахитовую. — Если откроешь, то сможешь вспомнить всё, что давно забыл. А от-

кроешь самую дорогую, рубиновую — любую тяжесть осилишь.

Царь только успел коробочки по карманам рассовать, как за окном скоморохи в дудки загудели, в бубны забили, колокольчиками зазвенели — на праздник зовут, в лапту играть, победителю, как заведено исстари, бочку медовухи приготовили.

Повёл шут царя на игровое поле, усадил на почётное место, сам по левому боку, умельца у ног пристроил, чтоб не убежал, если шутики его не сработают.

Долго игра длилась, притомились все, а царь и подавно, полез в карман за куколкой, а её нет — забыл взять. В руку попалась коробочка — оказалась янтарная, открыл крышечку... А в это время... «Игрок-горожанин» как ударит лаптой по мячу, да так сильно, неловко, что тот в царя полетел — того и гляди в лоб засветит. А царю хоть бы что, приподнялся, ладонь навстречу выставил и поймал! Бояре от удивления: «У-у-х ты!» А шут ему в ухо шепчет:

— Вот видишь, ты теперь самый ловкий. — И нашарил у него другую малахитовую коробочку. — Откроешь, сразу вспомнишь, кто тебя чуть не пришиб.

Царь так и сделал, только подумал не пошутовски — жадность в один миг одолела — другую страну вспомнить надо. Показалось ему, что взлетел, парит над ней, самые богатые уголки выискивает. А их много, растерялся, не знает, на каком остановиться. Оцепенел... И вдруг как подпрыгнет:

— Коня мне! — кричит. Ногу в стремя и поскакал... На границе спешил, подошёл к межевому камню, величиной с быка, открыл самую дорогую рубиновую коробочку и... ощутил в себе силу неимоверную. Поднял камень с лёгкостью. «Ну, — думает, — мне теперь равных нет! Зачем мне кусочки, всё к себе перетяну, целиком, как одеяло!» Стал вдоль границы ходить, выбирать край, за который уцепиться сподручнее. Нашёл удобный выступ, рванул на себя... да и надорвался! Лопнули у него жилы — оказалось, коробочки с секретом были: только на час действовали. Завыл царь от боли, упал в корчах. Шут услышал, нашёл, посадил в вазок, привёз в терем, занёс в тайную комнату, заставил подписать какую-то бумагу и позвал лекаря. Да поздно — помер царь, не осилил чужую землю!

На следующий день по предсмертному царскому указу трон занял шут.

А умелец сумел домой вернуться — щит от врагов изобретать.

Нынешний год — особенный год для нашей страны, для нашего народа. Это год 70-летия Величайшей Победы над врагом человечества, сатанинской силой — германским фашизмом. Эта победа прославила нашу страну на века. Но победа досталась нам нелегко. Миллионы погибших и замученных в фашистской неволе бойцов и мирных женщин, стариков, детей. Тысячи разрушенных городов, посёлков, деревень. Обезображенная, выжженная земля Белоруссии, Украины, Прибалтики, Европейской России — это тоже примета той величайшей и принесшей столько горя войны. Всё меньше остается в живых участников боёв, наших славных ветеранов, тех, кто своей кровью отстоял наше с вами нынешнее право, на жизнь, право, данное Господом всякому человеку. Надо беречь этих людей, чутко и внимательно вслушиваться в их воспоминания и помнить, помнить, помнить. К счастью, сохранились документальные свидетельства и художественные произведения о войне. Слава Богу, мы можем познакомиться со славными и страшными страницами военной летописи. Здесь и доблесть нашего солдата, и суровые, порой горькие фронтовые будни, гибель друзей, близких. Здесь и незабываемые свидетельства военного лихолетья. И больше всего поражает судьба самых маленьких, самых незащищённых.

Война обрушилась на детей так же, как на взрослых, — бомбами, снарядами, сиротством, голодом, холодом, разрухой. Я не могу без слёз видеть кадры военной хроники, на которых блокадные дети Ленинграда играют в «классики» фактически под огнём артиллерии и авиации. А эти детские глаза вывезенных на Большую землю ребятишек, их израненные, исхудалые тела. Вспомните фигурку белоголового мальчика в одной рубашонке, с хворостинкой бегущего за бороной, которую тянут его мать и другие женщины. Вспомните глаза маленьких узников фашистских концлагерей, демонстрирующих на своих ручонках рабские номера. Вспомните маленьких токарей, вынужденных подставлять под ноги ящики, чтобы дотянуться до станка, но выпускающих так нужные для армии оружие и боеприпасы. Сколько горя и забот легло на

Художник М. Самсонов. Саша Чекалин

ПОДВИГ ЮНЫХ

хрупкие детские плечи, но страна не забывала своих юных страдальцев и героев. И в те суровые годы дети оставались первой заботой народа. Все, от Верховного Главнокомандующего до нянечки в детском доме, понимали, если выживут дети — выживет и поднимется страна, её история, её будущее. Но дети были не только жертвами войны. Они становились воинами. Да ещё какими! Об этих маленьких героях, порой с трудом удерживающих в руках оружие, не достающих до станков, и следует напомнить, следует поговорить в славный год 70-летия Великой Победы.

Оказавшиеся в пекле страданий и невзгод, они вели себя как герои, осилили, выполнили то, что, казалось бы, не под силу и взрослым.

Они выдержали войну и победили вместе со взрослыми. Не могу не остановиться ещё на одном моменте. Недавно прочитал у одной либеральной журналистки, что чеченские дети, принимающие участие в бандитских вылазках, сродни Гаврошу и пионерам-героям. Удивительно.

Нескольким из них было присвоено высочайшее звание Героя Советского Союза. Это ли не удивительно? Особые высочайшие военные заслуги, и дети, ещё не достигнувшие совершеннолетия. Меня, кстати, поразило то, что в Указах Президиума Верховного Совета СССР об их награждении нигде и никогда не упоминалось, что речь идёт о детях. Их называют по имени и отчеству, как взрослых. И не

случайно. Ибо их доблесть стояла в одном строю, плечом к плечу с мужеством и доблестью взрослых. Вспомним же хоть коротко о некоторых из них.

Герой Советского Союза Александр Чекалин. Сын слесаря Павла Николаевича и служащей Надежды Семеновны Чекалиных школьник Саша Чекалин жил в небольшом городке Лихвин Тульской области. В свои четырнадцать лет Саша носил на груди значки «Ворошиловский стрелок», ПВХО и ГТО, имел собранный собственными руками радиоприемник, самозабвенно любил природу, изучал её, знал латинские наименования всех растений в округе. И вообще числился среди родных и знакомых непоседой. Началась война. Как и тысячи мальчишек, он устремился в военкомат, но ни на фронт, ни в истребительный отряд его не взяли. Тогда он добился, чтобы его приняли в местное ополчение. Юный ополченец отлично стрелял, хорошо знал все виды стрелкового оружия, быстро усвоил навыки военного дела и, в конце концов, был принят в конный истребительный отряд. Началась боевая работа по ловле диверсантов и разведчиков врага. Фронт быстро приближался к Лихвину, и Саша ушёл в партизанский отряд, базировавшийся в глубине Уланского леса, на границе с Брянскими лесами. Помните знаменитую партизанскую песню «Шумел сурово Брянский лес»? В отряде он был самым молодым, командир отряда

Художник
С. Трофимов.
Леонид Голиков

Художник
С. Трофимов.
Валентин Котик

Дмитрий Тетерчев относился к нему как к родному сыну. Сначала Саша выполнял простые поручения: наладил радиоприемник и записывал сводки Советского информбюро, носил воду, собирал дрова для костров. Но скоро стал самым молодым разведчиком отряда. Любопытно, что разведчиком был и его отец Павел Николаевич. Однажды они даже вместе попали в руки немцев, но сумели сбежать. А вот как Саша добывал оружие для отряда. Как-то в разведке, вооружённый карабином и двумя гранатами, он едва не наткнулся на отряд немцев из десяти человек. Быстро юркнул в ельник, залёг и, подпустив врага на расстояние всего в 25 метров, бросил одну за другой гранаты. Маленький осколок как ножом срезал у Саши мочку уха, но шестеро гитлеровцев остались лежать на земле. Остальные побежали. Их он спокойно, словно в тире, расстрелял, целясь, как любил говорить, под «яблочко». Собрал трофеи и принёс их в отряд.

Саша ходил в разведку, участвовал в диверсиях. Поздней осенью, больной, он вынужден был прятаться в одной деревне. Предатель, немецкий староста Авдюхин, выдал юного партизана. Немцы окружили избу. Больной Саша отбивался огнём из автомата и гранатами, уничтожил несколько фашистов, но был схвачен и отправлен в Лихвин. Сашу пытали. Во время пыток он схватил со стола массивную чернильницу и запустил её в лицо немецкому офицеру. Палачи набросились на него, сбили с ног, искололи штыками, забили до полусмерти, по сути дела, мальчика. 6 ноября 1941 года Сашу Чекалина вывели на казнь. Площадь, родная школа, на груди дощечка с надписью: «Такой конец ждёт всех партизан». Саша сбросил её и смело шагнул к виселице...

27 ноября 1941 года Красная Армия освободила Лихвин, и о подвиге юного партизана узнала вся страна. Сашу Чекалина похоронили тут же на площади, которая теперь носит его имя. Указом Президиума Верховного Со-

вета СССР Александру Павловичу Чекалину присвоено звание Героя Советского Союза посмертно. В 1944 году город Лихвин переименовали в Чекалин. Таковой он и ныне. Хочется, чтобы вновь о нём вспомнила вся страна, а не только земляки чекалинцы.

Герой Советского Союза Лёня Голиков родился в 1926 году в деревне Лукино Ленинградской области. В партизанский отряд вступил добровольно. В отличие от Саши Чекалина он сразу стал воевать, отличился во многих схватках, за что награждён орденом Боевого Красного Знамени и медалью «За отвагу». Но, прежде всего Лёня Голиков был разведчиком. Именно за добычу ценнейших сведений он получил такие высокие награды, которыми удостаивались немногие взрослые бойцы, особенно среди партизан. Но доблесть его не вызвала сомнения ни у кого в отряде. Командир отряда И. И. Гейлих перед строем отряда назвал его самым бесстрашным бойцом и закончил такими словами: «Ставлю Голикова в пример всему личному составу отряда». Последний бой Лёня Голиков принял 24 января 1944 года. Войска Ленинградского фронта окончательно освободили город-герой от блокады и гнали врага на запад. Партизаны шли навстречу, прорываясь через линию фронта. Разведчики, среди которых был и Голиков, прикрывали штаб бригады. В деревне Острая Лука партизаны попали в засаду.

Дрались до последнего патрона. Прикрывали отход оставшихся в живых партизан разведчик Голиков и пулемётчик Ладожин. Прикрывали до конца. Звание Героя Советского Союза было присвоено Леониду Александровичу Голикову 4 апреля 1944 года. Похоронен Лёня в деревне Острая Лука. Герою установлены памятники в Новгороде и на ВДНХ в Москве. Его именем названа улица в Новгороде. Вспомним об этом и мы.

Герой Советского Союза Марат Казей родился в 1929 году в деревне Станьково Мин-

Художник
С. Трофимов.
Марат Козей

Художник
С. Трофимов.
Владимир Дубинин

ской области в семье крестьянина. Пионер. Окончил 4 класса сельской школы. Дальше помешала война.

Совсем мальчишкой, моложе Чекалина и Голикова, в 13 лет пришёл он летом 1942 года в партизанский отряд и сразу ступил на опасную стезю разведчика. Марат не искал лёгких дел. Ходил в разведку и с группой бойцов, но чаще всего в одиночку. В любое время дня и ночи, зимой и летом по лесам и болотам. Наряжался пастушком или нищим и отправлялся во вражеские гарнизоны, забывая про отдых, сон, про боль в натёртых и обмороженных ногах. Он узнавал, куда и по каким дорогам идут маршевые роты и боевая техника, запоминал расположение постов, количество и типы боевой техники. И воевал, лично уничтожая врага огнём из автомата. В каких только переделках не доводилось участвовать этому мальчику-бойцу. Я не мог без волнения читать обнаруженный в архиве его наградной лист. В нём говорится, что разведчик штаба бригады имени Рокоссовского Казей Марат Иванович представляется к награде медалью «За отвагу». «Марат Казей, несмотря на свою молодость, проявил себя настоящим патриотом Родины. Всегда Марата ставят в пример бойцам партизанам. Выдержанный, смелый. Неоднократно участвовал в боях. 9 января 1943 года участвовал в бою в Станьковском лесу. Будучи ранен в руку, не отстал от своих товарищей. С призывом «Вперёд!» пробивался сквозь огненное кольцо...». Мальчик-боец был также награждён орденом Отечественной войны 1 степени. 11 мая 1944 года в период наибольшей активности белорусских партизан в разведке Марат был окружён гитлеровцами. Отстреливался до последнего патрона и, не желая сдаваться в плен, гранатой подорвал себя и окружавших его врагов. Звание Героя Советского Союза Марату было присвоено через двадцать лет 8 мая 1965 года. Но память о нём, слава его пронеслись по стране ещё с во-

енных годин. Памятники ему установлены в Минске и на ВДНХ в Москве.

Под стать ему и Герой Советского Союза Валентин Котик. Помните, я в самом начале вспоминал о художественном кинофильме, посвященном жизни и подвигу маленького героя. Неплохо бы его сейчас показать по всем каналам телевидения. Моложе на год даже Марата Казея, этот пионер из села Хмельевка Хмельницкой области с первых дней гитлеровской оккупации, в 11 лет начал собирать оружие и боеприпасы для партизан, сам рисовал карикатуры на гитлеровцев и сам их расклеивал на стенах домов. Немцы видели детскую руку, но поймать дерзкого мальчонку так и смогли. В 12 лет Валя стал разведчиком подпольной организации города Шепетовка, и с нищенской сумой выпрашивал у гитлеровцев подавание, собирая сведения о противнике. В августе 1943 года пришел в партизанский отряд имени Кармелюка. Далее его судьба повторяет судьбу Марата Казея. И воевал он так же отважно и умер от ран после тяжелейшего ранения в боях за город Изяслав. И награжден был орденом Отечественной войны 1 степени. И удостоился звания Героя Советского Союза Валентин Александрович Котик посмертно. Правда, несколько раньше Марата Казея, в 1958 году. Похоронен Валя Котик в городе Шепетовка. Памятники ему стоят на ВДНХ в Москве и в Шепетовке. Боюсь, как бы не добрались до памятника поганые руки нынешних украинских самостийников. Бог этого не допустит, но и мы должны находиться начеку.

Я позволил себе очень кратко напомнить лишь о четырёх самых отважных героях. Но были ещё тысячи и тысячи юных орденосцев и героев, мимо которых по тем или иным причинам награды прошли мимо, кто ковал нашу победу на фронте, в партизанских отрядах, в тылу, о которых мы всегда должны помнить и, слава Богу, ещё помним!

Митрополит Климент и одна из победительниц конкурса «Лето Господне» — Даша Борисова

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
Международный детский
литературный конкурс
им. И. С. Шмелёва
Лето Господне

24 марта 2015 года в Храме Христа Спасителя состоялось вручение премий победителям финального этапа литературного конкурса «Лето Господне» имени Ивана Шмелёва, прошедшего при информационной поддержке газеты «Вечерняя Москва».

По словам митрополита Климента, главы Издательского совета РПЦ, всего на конкурс поступило 1364 работы школьников из 58 регионов России, а также из Белоруссии, Украины и Казахстана. В финал вышли 35 лучших произведений — их определила конкурсная комиссия из известных писателей. А победителей выбрали по итогам сочинения-эссе.

Борисова Дарья, 9 класс, Москва
*Стихотворное переложение
и осмысление жития
Артемия Веркольского*

Веркола, Верколье,
Ветер да раздолье.
Кедры в небе хмуром
Да широко поле.

Отблески от солнца,
Милые церквушки...
Жил крестьянский мальчик
У леса в избушке.

Был Артемий тихий,
Но душою смелый,
Светлая головка,
Сам в рубахе белой.

Отрок славил Бога
Всем своим дыханьем,

Вместе с шумом сосен
И речным журчаньем.

Детскими губами,
Тонкими свечами,
Сжатыми под осень,
Первыми снопами...

Веркола, Верколье,
Ветер да раздолье,
С мая до морозов
Секут грозы поле.

В чистом поле как-то
Шёл с отцом Артемий,
Грозы надвигались,
Наступала темень.

Чёрное тут небо
Молния пронзила...
Отрока, как колос,
Косой подкосила!

Он лежал весь белый,
Как заснул глубоко...
Ой, свеча сгорела,
Рано, раньше срока!

От мощей святого
Чудеса случались,
Горе проходило,
Люди исцелялись.

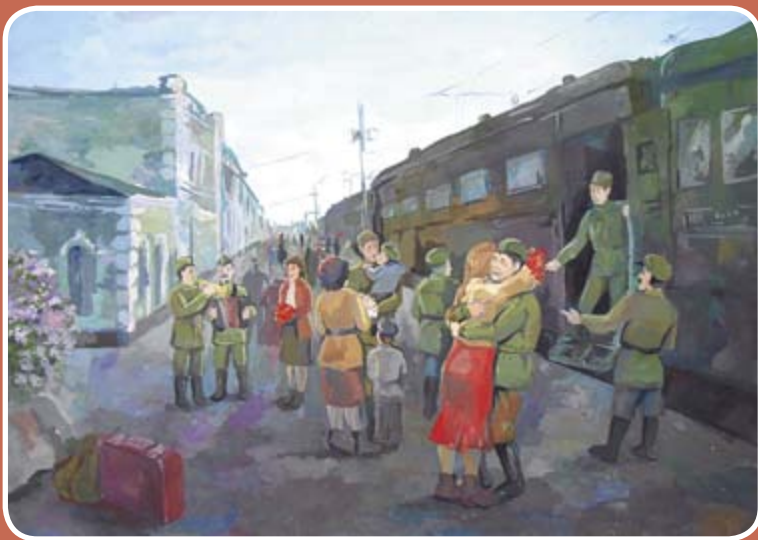
Вот он на иконе,
Славный чудесами —
Тонкий отрок в белом
С синими глазами...

Веркола, Верколье,
Ветер да раздолье,
Кедры в небе хмуром
Да широко поле.

Митрополит Климент и участники конкурса «Лето Господне». 24 марта 2015 г.

Наш ВЕРНИСАЖ

1

2

4

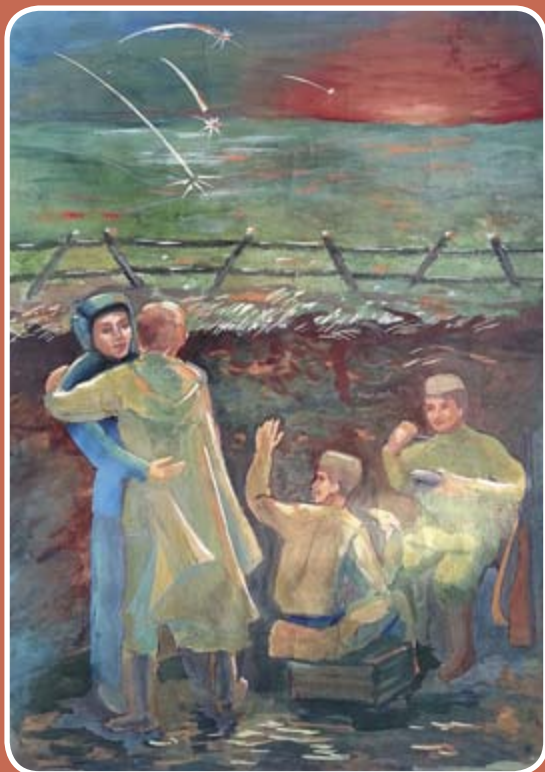
ДЕТСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ШКОЛА им. И. П. Тимошенко г. Сызрань

Преподаватели О. И. Неволина, Т. В. Печенова, Н. В. Титова, Л. А. Сергеева

1. Зюнова Ирина, 14 лет. «День Победы»
2. Ащеулова Алина, 14 лет. «Враги сожгли родную хату»
3. Старочкина Наталья, 17 лет. «День Победы»
4. Геворгян Мариам, 16 лет. «Возвращение»
5. Немецкина Ксения, 17 лет. «Фронтальная встреча»

3

5

РОМАН-ГАЗЕТА **5** етская

2015 (191)

ЧЕСТЬ ИМЕЮ!
«Малютка»

Я только раз видала рукопашный,
Раз — наяву. И сотни раз — во сне...
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

Юлия Друнина, 1943

П. Пинкисевич. Иллюстрация к журналу «Роман-газета». 2000 г.

ЖИВОЙ УГОЛОК:
Весенние миниатюры

УГОЛОК РОССИИ:
Орениенбаум

РАССКАЗЫ:
Похождения жука-носорога